

Диалог вытесняет противостояние, а компромисс ограничивает групповой эгоизм. И, наконец, толерантность профилирует враждебность. Из этого не следует, что эти формы поиска гражданского согласия в Крыму безупречны. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки, которые проявляются через конкретное содержание отношений. Но кто не знает, что диалог может быть и средством отсрочки решения проблемы. Что касается доверия, то оно условно, а компромисс предполагает границы, которые нельзя нарушать. Но кто знает меру, где заинтересованные стороны обязаны остановиться? Толерантность взывает к терпимости, но толкование терпимости участниками диалога может быть разным. Несмотря на то, что 1995 год был объявлен ЮНЕСКО годом толерантности, о толерантности спорят. Без реализации принципа толерантности все заявления о политике «поликультурности» как инструменте гражданского согласия носят исключительно декларативный характер.

Перекосы социальных отношений и проявление издержек диалога, компромисса и толерантности становятся реальностью, где место субъектно-субъектных отношений автономных свободных и равных индивидов занимают отношения субъекта к объекту, где другой рассматривается как потенциально чужой.

Искусство диалога, компромисса и толерантности надо учиться, и на уровне тех, кто составляет интеллигентное меньшинство, и на уровне тех, кто прислушивается к мнению этого меньшинства. Азбучную истину этой школы составляет то целое, на которое должна равняться каждая его часть. Прав был Аристотель, когда говорил в своей «Политике» о невозможности части обрести свое счастье, когда целое пребывает в состоянии великого несчастья.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ХРАНИТЕЛЬНИЦА СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА И НОСИТЕЛЬНИЦА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Масаев М.В.

г. Ялта. Украина

Термины «символический капитал» и «символическая власть» введены российским профессором А. С. Панариным в работе «Стратегическая нестабильность XXI века» [1]. Развитие этих понятий дано в работе доцента М. В. Масаева «Философия истории» [2].

Вопрос об интеллигенции как хранительнице символического капитала и носительнице символической власти рассматривается в настоящем докладе, содержание которого сводится к следующим тезисам:

1. Символический капитал – это совокупность символов, определяющих поведение людей конкретно-государства, нации или народа, а символическая власть – это власть регуляторов человеческого поведения, символов над умами людей.

2. Символическая власть оказывает воздействие и на общественную идеологию, и на общественную психологию, а также на идеологию и психологию отдельной человеческой личности.

3. Символическая власть воздействует и на психологию, и на идеологию как бы недоосознанно, а практически совсем неосознанно.

4. Действуя неосознанно, незаметно и произвольно, символическая власть затрудняет, а практически делает невозможным всякое сознательное и волевое противодействие, а потому является непреодолимой.

5. Символическая власть осуществляется символами, носителями которых могут быть как представители формальной, так и неформальной власти, как внутри страны, так и на международной арене.

6. Фактически субъектами символической власти могут быть отдельные личности, группы людей, классы, политические партии, органы государственной власти, ветви государственной власти и государство в целом, этносы, нации, народы, группы государств, целые цивилизации.

7. В любом случае хранителем символического капитала, носителем символической власти как отдельных личностей, групп людей, классов, политических партий и т. д. является определённая прослойка людей – это советники, референты, секретари, спичрайтеры политических лидеров, идеологи групп людей, кланов политических партий, властители дум широких масс людей: учёные, писатели, деятели культуры и искусства – короче, интеллигенция.

8. При этом интеллигенция может играть как конструктивную, так и деструктивную роль в обществе в зависимости от того, как она выполняет свою роль как хранительницы символического капитала. Если интеллигенция бережно относится к наличному символическому капиталу общества, она будет способствовать сохранению и его конструктивному развитию. Если же она будет с завистью смотреть на чужой символический капитал и стремиться перенять его самого и вместе с ним чужую символическую власть, то её роль может оказаться деструктивной.

9. Деструктивная роль российской интеллигенции способствовала серии разрушительных революций в России.

10. Попытка части русской интеллигенции, выпустившей в 1909 г. сборник «Вехи», смягчить удары назревшей не без участия интеллигенции катастрофы, оказалась неудачной (не случайно лидер революционного движения интеллигент В. И. Ленин назвал этот сборник энциклопедией либерального «ренегатства»). «Ренегатам» не удалось остановить ни революционеров, ни революцию.

11. Когда, после разразившейся катастрофы революции и разрушительной и кровавой гражданской войны, правительство В. И. Ленина оказалось в безвыходном положении и вынуждено было перейти к НЭ-Пу, группа эмигрантской русской интеллигенции попыталась призвать общество к гражданскому согла-

сию, выпустив в 1921 году в Праге сборник «Смена веков», одному из авторов которого профессору Н. Устрялову показалось, что «коммунизм не удался» [3, с. 11], также ни к чему не привела, а спасший НЭПом коммунизм В. И. Ленин перешел к репрессиям преждевременно похоронившей коммунизм интеллигенции.

12. Разгром хранительницы символического капитала и носительницы символической власти интеллигенции страшно обеднил с символической точки зрения советское общество, сделал советский народ подверженным любой символической власти, будь-то власть большевиков, перестройщиков или постсоветских нуворишей.

13. Символически обездоленное постсоветское общество было ввергнуто в хаос и развалилось.

14. Поиски интеллигенции на постсоветском пространстве выйти из кризиса на чужих символических ценностях и с помощью чужой символической и реальной экономической и политической власти (НАТО, Европейского союза и т. д.) ничего не дают и обречены на провал.

15. Интеллигенции постсоветского пространства следует думать не о подчинении чужой символической власти, а воссоздании утраченного символического капитала и достижении символической независимости.

16. Задача эта посильна, но решать её может и должна именно интеллигенция, а не какой-либо иной слой общества. Ни российским миллиардерам, ни украинским оранжевым революционерам эта задача не под силу. Первые заняты умножением своих богатств, вторые – перераспределением богатств украинских нуворишей в свою пользу. Ни о чём ином эти хозяева жизни не помышляют и не могут. Думать – функция интеллигенции. Только она может решить стоящую перед постсоветскими государствами задачу по восстановлению утраченного обществом символического капитала и достижению символической независимости, без которой не будет ни независимости экономической, ни независимости политической.

17. Часть украинской интеллигенции пытается срочно обогатить символический капитал украинской нации, приватизируя мировые символы с тем, чтобы обеспечить символическую власть Украины над миром. Так, киевлянин Игорь Каганец объявил украинцами Иисуса Христа, Богородицу, выучившего своего сына украинскому языку, на котором он и произнёс свои последние слова на кресте, и всех апостолов, кроме предателя Иуды, так как предательство не свойственно украинской нации [4].

18. Большинство же интеллигентов внушают населению постсоветского пространства чуждые символы, утверждая тем самым чужую символическую власть, всё дальше и дальше отодвигая достижение подлинной политической и экономической независимости.

19. Но история не остановилась. Она продолжается. А как полагает профессор И. И. Кальной, признавать историю и признавать прогресс – это по сути одно и то же [2, с. 113]. А прогресс неизбежно приведёт национальную интеллигенцию в гармонию с национальными интересами. И из хранителей чуждого символического капитала и носителей чужой символической власти интеллигенты станут подлинными хранителями национального символического капитала и носителями национальной символической власти, без которых так возжелённые на постсоветском пространстве экономическая и политическая независимость просто невозможны.

Источники и литература

1. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность XXI века // Москва. – 2002. – № 4-12.
2. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304.
3. Гуль Р. Б. Красные маршалы. Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский / Сост. П. Г. Горелов. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 254 с.
4. Каганец І. В. Арійський стандарт. Українська ідея епохи великого переходу. – К.: А. С. К., 2005. – 336 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Мионов А.В.

г. Севастополь. Украина

Одной из коренных в среде русской интеллигенции является проблема одиночества. Специфика формирования данной социальной группы в России определила ее позицию чуждости государству, а также выявила ее оторванность от народной массы, отсутствие значимых точек соприкосновения.

Явления русской истории второй половины XIX века - начала XX века – «хождение в народ», революционная деятельность, террор во многом объясняются чувством вины и долженствования перед теми, кто испытывает нужду и лишения. Факты, представленные в русской литературе того периода (особенно писателями-разночинцами Н.Г. Чернышевским, А.Ф. Писемским, Г.И. Успенским) указывают на осуществления нового способа реализации личности: жертвенность и социальное подвижничество.

Нежелание контакта с властными структурами и неспособность почувствовать «слитность» с народом толкает к сознательной обособленности. Революционные кружки, партии, группы компенсируют свое существование, замкнутое в пределах своей корпорации, идеей жертвенности. Аскетизм, скромность как требование, добровольная бедность – качества, с помощью которых осуществляется баланс между интеллигенцией и народом. Жизнь выстраивается согласно схеме служения, вытесняющей конкретную личность. Желание доказать свою близость «угнетаемым» рождает перевернутую систему ценностей. Тюрьма, каторга, эшафот, ссылка воспринимаются как наиболее адекватные интеллигентскому существованию. Стремление «пострадать» указывает на противоречивость внутреннего сознания. Моральное сближение с народом